

Как его убили?

Только теперь, с большим опозданием, окольными, обходными путями, дошла до меня вѣсть, что отец Андрей разстрѣлян. И притом нѣсколько лѣт тому назад. И сразу как-то тяжело и темно стало на душѣ, — захотѣлось отмахнуться от этой вѣсти, как от злой жалящей осы. Словно вот тут, во время рассказа, тебя самого ранила пѣвучая лобзающая пуля.

Господи!... Отец Андрей...

Все равно, в каком это городѣ было. Не хочу называть его. Там, далеко, за Харьковом. Залег он просто меж «балками», меж плавными, волнающими степными линиями, вливающимися одна в другую и волнисто замыкающими горизонт. Пыль тонкая, угольная, упрямая. Низенькіе присѣвшіе домики и одно только воспоминание оттуда — могучное, крѣпкое, земляное — это отец Андрей. Крупный, большой, — непохожий на обычных батюшек. Почему-то запомнился он так: стоит и полу рясы поднял крѣпким мужицким движением, в карман полѣз, — пола приподнялась, сапоги видны. И сам он стоит крупный, лохматый, живой, — что-то достает в карманѣ. Задумался и так и остался с поднятойолой. Сапоги видны простые, с голенищами. И из-за сапог, должно быть, — неожиданно на под рясы показавшихся

ся, — он и дѣлался еще ближе, роднѣе, понятнѣе. Просто — мужик. Ученый мужик. Батюшка — мужик.

Что было удивительно — это его жадность к жизни. Сочный, налившийся соков каких-то — он точно впитал в себя что-то бродильное, солнечно-сахаристое, напорное из земли, чернозема. Ходил большими шагами. Вкусно спорил. Голову как-то по особому назад закидывал при смѣхѣ и зубы были видны — большіе, ровные, бѣлые. Торопился, а торопясь все губы как-то странно облизывал, словно ему сухо было. Я замѣтил это — уже не в первый раз, кому умереть суждено, тѣ всегда вот так — жить торопятся, кусками глотают, не жууют. Голову закидывают, смѣясь. И дышут, должно быть, чаще и скорѣе нашего: губы сохнут, а они все по ним языком проводят.

Уже по одному тому нельзя «прятать» большевика, что — отца Андрея убили. Он был сама жизнь. В нем она гудѣла, как черешневый сад в шмелиные часы, осыпалась листками, грѣлась, вздагивала на пригрѣвѣ. Он не просто любил жизнь, а нюхал ее, тянул ноздрями, глотал. Голос был сочный, густой — точно из пасѣнки кричал издали, а вокруг гуд пчелиный.

Мнѣ рассказали. Рассказ со-

был короткий, обыкновенный, простой. Сперва о. Андрея назначили служить в каком-то комхозѣ, — потом он должен был по наряду мести улицу. А его в том городѣ все знали. Собирались (откуда только бралась) старушки, женщины всякія, прислуги, — смотрѣли с тротуара и головами качали: — «Батюшка, ты наш родный. Что-ж это такое? Мыслимо-ли дѣло? Господи, грѣхи наши! Батюшка ты бѣдный». А о. Андрей подметал. ППУ рѣшило, что он это сам устраивает, эту панельную контр-революцію, и участь его была рѣшена.

Кто-то его предупредил и он нѣсколько дней прятался в огородах, что раньше ему принадлежали, выходил только в сумерки. И, понятно, его нашли.

О. Андрея убили.

В этом рассказѣ, который дошел до меня только теперь (рассказывал очевидец, земляк, добравшийся лишь нынче за рубеж), в этом рассказѣ было одно страшное мѣсто и из-за этого мѣста я всему повѣрил, все ощутил и услышал.

О. Андрей, прячась от большевиков, сидѣл цѣлыми днями в огородѣ. Он прикрывал себя соломой, мѣшанной с навозом — чѣм-то теплым, от чего тепло шло животное, ласковое, земляное. Пар курился. Яма была такая, что он мог цѣлком помѣститься, а только голову держал на воздухѣ. И, думается мнѣ, все ею вертѣл, — все вертѣл. И во время рассказа такую всю Россію я почувствовал: залѣз живой человек в яму, всего

себя обложил теплом прощальным, живую жизнь, земляною парною соломой, рѣзаной, чтобы тепло шло, пар. Лежит и жизнь свою прячет. И головой вертит. Головой только.

Была она у него большая (даже странно сказать: «была», развѣ может земля быть без отца Андрея, развѣ может о. Андрей не «жить»!) — кудластая, вихри торчали. Нестовый был он. Степной король Лир.

Вот я его вижу на этом огородѣ: зорко всматривается глазами (уже, должно быть, усталыми, но несдающимися). Смотрит, не идет ли кто. Жизнь бережет. Это так на него похоже, на жизнелюбивого, на гулящаго пасѣчника. Хоть чуточку, хоть крошечку, хоть в ямѣ под навозцем спрятать жизнь Прятал, чтобы не умереть.

И — убили. Быть не может, чтобы там наверху, не было какой-то бухгалтерии, быть не может, чтобы «там» о. Андрея, который любил жизнь гудом гудущую, шмелиную, в садах черешневых своих любил, — что-б такую сочно влажную жизнь не записали. Не просто записали. А многократно.

Сразу «счет» большевиков отяготили. Велик он у них и безмѣрен, но когда вписали туда эту жизнь, — я что-то понял до конца и непреложно. Будто, еще в чем сомнѣвался, не понимал, а теперь вдруг почувствовал: живую жизнь они убили. Им все равно. И понял я их — СССР — черное кладбище, как Русь превращенную в бжвы, выжженную в

степь. И понял радостно: им не бывать, им не живать, они — не жизнь. Ибо если жизнь есть, то их быть не может. И не будет. Зароетет все, забѣлѣют сады и рубцы земли умятятся, умячатся побѣгами зелеными. Господи!... О. Андрей!...

Ну, чѣм же мнѣ помочь тебѣ? Как сказать? Как муку-то облегчить? Если ты меня слышишь (возможно, что слышишь) — видишь, как я твою цвѣтущую в весеннем цвѣту, в цвѣтеньѣ вишневом, пахучем, духмяном — душу твою услышал. Узнал, почувал любовь твою к жизни издали. Может, от этого тебѣ легче станет?

Вот эти муки там в ямѣ, когда ты томился (не просто боялся, томился), маялся — неужели такія на землѣ слѣдов не оставляют? Рубцов или порѣзов страшных на всегда. Вот такой порѣз навсегда — словно сам большой Дьявол многохвостым арапником по землѣ саданул! — у Ипатьевского дома. Нѣсколько рубцов, страшных, ненужных. Навѣки они там. И времена пройдут, сроки минуют — зацвѣтет цвѣтеніем вишневым сад Руси, — но тѣ рубцы будут черными и неизбывными. Густая кровь там запеклась.

...Мнѣ и закрывать глаз не нужно, в себя уходить не надо, — я, вот, открою глаза перед собою, — и смотрю вперед широко: только голова одна видна, только голова. Вокруг — земля с огорода рыхлая, с соломой, накрошенная, теплая. И листьев много, листьев прошлогдних. Бурых, опаленно-

красных, рдяных и блеклых. На кончиках листья закатились, чуть скаржелились, как береста. Стрижет глазами поп Андрей — послѣднюю жемчужину, каплю жизни, живчик, прячет. Лохматый, голова крутится. То к забору повернется. То к лугѣ. Не идет ли оттуда? Или отсюда? Иногда прижмется, прищипнется, больше еще загнивающих листьев к себѣ протянет, под пласть уйдет: что-то привидѣлось, послышалось.

Так и не вѣрнется. Стоит — большой. Одну полу поднял. Что-то достает в карманѣ. И сапог высокий, рабочій, с голенишем — мужицкій сапог видать. Голову назад закинул.

Я все это опустил, о. Андрей, все наши разговоры и то, что ты и Гарнака, и Ренана, Шлейермахера знал, и все разговоры твои, — торопаясь, легкіе, точно ты воздухом давился, рот раскрывал, глотал. Это все неважно. А важно то, что душа твоя была черемуховой, душистой, буйно-цвѣтушей, что гудѣло в ней шмелиным гудом полдневное вишеньѣ, цвѣтеньѣ. Вот это важно.

И какую-то правду, страшную правду почувал я, о. Андрей, в рассказѣ сегодняшнем: понятно — ты в ямѣ прятался. Гдѣ же иначе? Катешек влажно серебряный, росистый, жемчужный, — сѣмя жизни, — от «них» напоследок прятал. Под теплом. Под паром.

И то, что они на жемчужинку наступили, твою жизнь раздавили, одно показало: они — не жизнь. Сергей Горный.

Жених у банкира

Молодой человек является в дом банкира:

— Я хотѣл бы жениться...

Хозяин прерывает его:

— Прекрасно, прекрасно...

Имѣйте в виду: моей старшей дочери 49 лѣтъ, и я даю за ней полмилліона приданого. Второй — 30, и приданого 200.000. Младшей — 23, за ней — 100.000.

Молодой человек колеблется:

— Скажите, а не найдется ли у вас дочи и лѣтъ, так, под шестьдесят?..

Наши дѣти

— Кто из вас, дѣти, знает, сколько лѣтъ человеку, который родился в 1883 году?

— О ком рѣчь идет, о мужчинѣ или женщинѣ?

Сама виновата

Квартирная хозяйка отчитывает квартиранта.

— Послушайте-ка, Петров всякій раз, как я прихожу к вам в комнату, я вижу, как вы цѣлуете мою дочь. Почему это всегда происходит?

— Происходит это потому, что вы входите, не постучавшись.

Отсутствіе музыкальности

— У монеты, которую вы мнѣ только что дали — совсѣм фальшивый звон.

— Очень сожалѣю, но я не музыкант.

Успѣх коммивояжера

Коммивояжер одной фирмы всегда возвращался из поѣздки с большими заказами. Шеф фирмы обратился к нему.

— Меня очень радуют ваши успѣхи, но хотѣлось бы знать, каким трюком вы этого достигаете?

— Только при помощи пяти слов.

— Очень интересно! Какія же это слова?

— Когда я звоню в какую-нибудь дверь и мнѣ открывает женщина, то, независимо от ея возраста, я всегда обращаюсь к ней с вопросом: „Барышня, а ваша мама дома?“.

Уважительная причина

— Надо вкладывать в голос побольше выразительности, — требует режиссер. — Я знавал, напримѣр, артиста, который умѣл читать меню так, что заставлял слушателей плакать.

— По всей вѣроятности, он читал также цѣны!

Сложное блюдо

Посѣтитель в ресторанѣ: — Что это за блюдо „крокет а ля камбажер“?

Кельнер: — Это собственно говоря валансен а ля крем, в родѣ турнедо пеше а ля олан дэз с соусом рагу фэн.

Посѣтитель: — Ну, в таком случаѣ, дайте мнѣ лучше два яйца всмятку.

уходите?

— На новом мѣстѣ у меня лучшія перспективы, мадам!

— Больше жалованье?

— Нѣтъ, но из кухни открывается вид на кавалерійскія казармы...

Завидная квартира

— Мы живем в таком сыром домѣ, что с тѣх пор, как мы туда переехали, моя жена может говорить лишь шопотом.

— Не знаете ли вы, нѣтъ ли там еще одной свободной квартиры?

Современная мода

Дама примѣряет шляпу у модистки.

— Может быть, эту шляпу изволите?

— Нѣтъ.

— А эту?

— Тоже нѣтъ.

— Но эта шляпа как раз вам к лицу.

— Да, но она очень напоминает шляпу.

Роза и ея шипы

Англійскій поэт Мильтон, уже ослѣпнув, женился на очень красивой, но сварливой женщинѣ.

Лорд Букингем, посѣтившій однажды автора „Потерянного рая“, сказал ему:

— Ваша жена — это прелестная бѣлая роза.

— Что касается цвѣта, — отвѣтил Мильтон, — то я об этом ничего не могу сказать. Но что она, дѣйствительно, роза, это хорошо знаю благодаря ея шипам.

женщина его эпохи нашла себѣ одного из самых сильных защитников своих идей и стремлений, поскольку онѣ подлинны и цѣльны. Сатирѣ его подвергались лишь смѣшныя искаженія этих стремлений, их карикатурные провинциализмы. Поэтому, общій тезис лектора о Мольерѣ, как феминистъ, несмотря на его видную парадоксальность, может быть признан доказанным автором — с обычным для него блеском и остроуміем.

С

Годунова“ на румынскій язык. Переводчиками являются Гр. Авекиан и И. Диматріу.

— Исправленіе итальянскаго языка. Согласно плану, выработанному итальянской Академіей Наук, в этом году съѣтъ итальянских радиостанцій будет регулярно передавать уроки итальянскаго языка. Будут не только преподаваться элементарныя правила грамматики; лекторы будут обращать вниманіе слушателей и на правильное произношеніе итальянских

Новый балет Стравинскаго

В Дрезденѣ с большим успѣхом прошел балет Стравинскаго „Карточная игра“.

Берлинскія газеты командировали на эту премьеру своих музыкальных критиков. Печать отзывалась о музыкѣ, живописующей волнующія переживанія игроков, с единомышленным восторгом. По своему стилю новое произведение Стравинскаго (впервые поставлено под управленіем самого композитора в Нью-Йоркѣ) сильно отличается от предыдущих. Основныя музыкальныя темы, которыми он характеризует различныя масти, взяты у композиторов XIX-го вѣка — Вебера, Ганна Штрауса, Верди и Россини, но в цѣлом это подлинное произведение Стравинскаго, выдержанное в строгом, прозрачном стилѣ. Очень ярка и своеобразна инструментовка,

в которой проявляются всѣ особенности композитора.

Танцы оживленных „карт“ по отзывам критики, ярки и занимательны. В рядѣ газет появились снимки, иллюстриующіе тот момент, когда танцующія фигуры отдѣляются от карты. Поставлены они под режиссурой Валеріи Крапиной.

Нужно думать, что вслѣд за Дрезденом балет Стравинскаго будет поставлен и в других городах Германіи.

ПЕРЕПИСКА на МАШИНАХ ПЕРЕВОДЫ (польск. и русск.).

Узнать в конторѣ газ. „Наше Время“ и „Русское Слово“, Вильно, Виленская 11, кв. 14. Тел. 15-79.

Академія рѣшила, что лучшим средством и даже почти единственным для очищенія языка является именно радиофонія. К докладам и урокам привлечены лучшія литературныя силы Итали.

— „Горизонты медицины“. Огюст Люмьер выпустил книгу: „Горизонты медицины“, в которой приходит к выводу, что медицина послѣ открытій Пастера застыла на мертвой точкѣ.

— Новая книга мэрш. Чанг-Кай-Шека. Мэршал Чанг-Кай-Шек и его жена выпустили на англійском языкѣ книгу „Китай на распутьи“. Чанг-Кай-Шек рассказывает в ней о том, как он попал в плѣн к „молодому маршалу“ Чан Сю-Ляну, бывшему правителю Манчжуріи. Гжа Чанг-Кай-Шек описывает, что происходило в это время в Нанкинѣ, гдѣ нѣкоторые политическіе дѣятели предполагали захватить власть и занять мѣсто ея мужа.

Одновременно в Лондонѣ же вышла другая интересная книга о Китаѣ: „Красная звѣзда над Китаем“. Автор, Эдгар Сноу, провел в Китаѣ девять лѣтъ и за это время побывал в таких мѣстах, откуда до сих пор не возвращался живым ни один бѣлый.

— Старинныя русскія пушки. В Москвѣ на Большой Ордынкѣ и Дубининской улицѣ обнаружены старинныя русскія пушки (XVII и XVIII вв.). Такія же пушки обнаружены и на Лубяном проѣздѣ.